

Анаит

ХАЗАРС АХАЯН

Когда-то стольным городом страны агванов был Партав, который сейчас разрушен и называется Барда. Он находился между нынешним Гандзаком и Шушой, на реке Тартар. Здесь, в густой роще, раскинувшейся вдоль берегов Тартара, стоял великолепный дворец царя Ваче. Эта старинная насаженная роща превосходила естественный лес своими исполинскими чинарами и тополями, за вершинами которых не были видны даже самые высокие башни города. Прочная ограда вокруг рощи не стесняла быстроногих легких ланей и серн, которые бегали и резвились здесь стаями, как на воле.

Однажды единственный сын царя Ваче юный Вачаган стоял на балконе дворца, облокотившись на перила, и смотрел на рощу. Было раннее весеннее утро. Певчие птицы всего мира, словно сговорившись, слетелись на эти деревья, чтоб устроить концерт и посостязаться друг с другом. Одни будто играли на свирели, другие на дудочке, но победу всегда одерживал голосистый певец. Этим певцом был соловей - блбул Агвана, единственный утешитель влюбленных сердец. Когда он начинал играть на своей многострунной лире, тотчас же все птицы умолкали и вслушивались в переливчатые соловьиные трели, учились у него кто щебетать, кто раскатисто свистеть, а кто трелить, и вдруг все птичьи голоса сливались в одну звонкую заливную песню.

Быть может, это их слушал Вачаган так сосредоточенно и молча?.. Нет, иная забота, иная боль была в его сердце, и пение птиц лишь усиливало ее, вызывая глубокую тоску.

Из грустных раздумий Вачагана вывела его мать, царица Ашхен, она подошла к нему и спросила:

- Вачик, я вижу, на душе у тебя какая-то боль, но ты скрываешь от нас. Сын мой, скажи мне, почему ты грустишь?
- Ты права, мать, - ответил сын, - слава и роскошь потеряли в моих глазах всякую цену. Хочу удалиться из мирской жизни, уйти в монастырь. Говорят, вардапет Месроп вновь приехал в Хацик и в построенном им монастыре основал братию. Я хочу пойти туда. Мать, ты не представляешь, какое это прекрасное место село Хацик. Там и юноши и девушки так остроумны, так красивы! Если ты их увидишь, придешь в восторг.
- Значит, ты хочешь пойти в Хацик, чтобы видеть свою остроумную Анаит?
- Мать, откуда ты знаешь ее имя?
- Соловьи нашего сада принесли мне эту весть. Почему ты, дорогой Вачик, забываешь, что ты сын агванского царя? Сын царя должен жениться либо на дочери царя, либо великого князя, но не на простой крестьянке. У грузинского царя три дочери, можешь выбрать любую из них. У гугаркского бдешха очень красивая дочь. Она единственная его наследница, владелица всех его богатых поместий. У Сюникского царя также красавица-дочь. Наконец, чем не невеста Варсеник, дочь

нашего азарапета? Она выросла на наших глазах, воспитана нами.

- Мать, я уже сказал, что хочу удалиться в монастырь. Но если вы желаете, чтобы я непременно женился, то знайте - я женюсь только на Анаит...

Сказав это, Вачаган убежал в сад.

2

Вачагану недавно исполнилось двадцать лет, он вытянулся, подобно тополям, что росли в их саду, но был очень изнеженным, бледным и болезненным юношей.

Получив духовное образование у учеников великого Месропа, он хотел последовать примеру своих учителей и удалиться в один из монастырей, стать, как и они, проповедником. Но это противоречило воле его родителей, ибо он был их единственным сыном, единственным наследником агванского царства.

- Вачаган, сын мой, - много раз говорил ему отец, - ты знаешь, что моя единственная надежда - это ты. Ты должен сохранить огонь нашего очага, продолжить наш род. Значит, ты должен жениться.

Слушая эти слова, сын лишь краснел, не зная, что сказать в ответ: ведь он не думал и не хотел думать о женитьбе. Но отец не давал ему покоя и по несколько раз в неделю возвращался к этому разговору. Чтобы реже видеть отца и не слышать его наставлений, Вачаган отдался охоте, хотя и не любил ее, а предпочитал проводить время дома за чтением книг. Рано утром он уходил из дома, бродил по горам, по долам и возвращался поздно вечером. Иногда он отсутствовал по три-четыре дня, вызывая недоумение у родителей. Сыновья многих князей хотели подружиться с ним, ходить вместе на охоту, но он избегал их. Он брал с собой своего преданного и храброго слугу Вагинака - мужчину крепкою сложения и здоровья, и верного пса Занги. Люди, которые видели их, не догадывались, что один из них сын царя, а другой его слуга, потому что оба они были в простой охотничьей одежде, у обоих были одинаковые лук и стрелы, кинжалы с широким лезвием, и лишь котомку с припасами нес Вагинак. Нередко они останавливались в селах, и Вачаган исподволь знакомился с жизнью крестьян, с их каждодневными заботами и нуждами, примечал, кто делает добро, а кто чинит беззаконие. И неожиданно судьи-взяточники отстранялись от должности, а взамен назначались новые, честные, многие воры оказывались в тюрьме, несли заслуженное наказание, а семьи бедняков вдруг получали помощь от царя, хотя о ней не просили. Словно какая-то неведомая сила видела все и творила добро. И народ стал верить, что царь Ваче, подобно богу, знает все: и что кому нужно, и кто достоин кары, а кто - награды. Вскоре в стране не стало воровства и несправедливости, но никто не знал, что эти перемены происходили благодаря сыну царя.

Странствия Вачагана принесли пользу и ему самому.

Он стал здоровее и бодрее, набрался силы и ловкости. А близко узнав жизнь народа, его нужды, он понял, как много благодеяний может сделать царь для своего народа, и поэтому все меньше и меньше думал об уходе в монастырь. В его сердце готово было вспыхнуть яркое пламя любви, для этого нужен был лишь повод, который

вскоре и представился.

Однажды во время охоты Вачаган и Вагинак оказались в одном селе и, усталые, сели у родника отдохнуть. К роднику подходили крестьянские девушки, они поочередно наполняли водой кувшины и крынки. Вачагану страшно хотелось пить. Он попросил воды, одна из девушек наполнила кувшин и протянула его Вачагану, но другая вырвала кувшин из ее рук и вылила воду. Она снова наполнила кувшин и снова опорожнила его. У Вачагана во рту пересохло, он с нетерпением ждал, когда дадут ему напиться. Но девушку это не заботило, она словно затеяла игру: наполняла кувшин и тут же выливала воду. И лишь наполнив кувшин в шестой раз, она подала его незнакомому охотнику.

Напившись и протянув кувшин Вагинаку, Вачаган заговорил с девушкой и спросил, почему она не подала ему воду сразу, быть может, ей захотелось подшутить над ним, рассердить его. Девушка ответила:

- У нас не принято подшучивать над незнакомым юношей, особенно когда он просит воды. Но я подумала: вы очень устали, вспотели, и холодная вода может вам сразу повредить, поэтому я умышленно медлила, чтобы вы немного отдохнули. Умный ответ девушки удивил Вачагана, но красота ее поразила еще больше. Глаза у нее были большие, черные и лучистые, брови, нос и рот словно нарисованные, длинные косы струились по спине, лоб - высокий, чистый. Никаких украшений на ней не было. Одета она была в красное шелковое платье, покрывавшее ее стройный стан до пят, вышитая безрукавка обхватывала ее тонкую талию и высокую грудь. Белые ноги ее были босы. Таков был внешний облик девушки. В ее глазах было нечто столь привлекательное, манящее, что сразу же обворожило Вачагана.

- Как тебя зовут? - спросил он.

- Анаит, - ответила девушка.

- Кто твой отец?

- Мой отец пастух нашего села - Араи. Но почему ты спрашиваешь, как меня зовут и кто мой отец?

- Просто так. Разве спрашивать грешно?

- Если спрашивать не грешно, то и я прошу сказать, кто ты такой и откуда ты?

- Сказать правду или солгать?

- То, что считаешь достойным себя.

- Конечно, достойным я считаю правду, а правда такова: я сейчас не могу сказать тебе, кто я, но обещаю, что дам о себе знать через несколько дней.

- Очень хорошо, верни мне кувшин, и если хочешь еще воды, я принесу.

- Нет, благодарю, ты нам дала хороший совет, его мы будем помнить всегда, и тебя не забудем.

3

Когда наши охотники отправились в обратный путь, Вачаган спросил Вагинака:

- Вагинак, ты в вашем городе встречал девушку такой красоты?

Вагинак ответил:

- Я как-то не заметил ее красоты, узнал лишь, что она дочь сельского пастуха.

- Ты не заметил, но услышал. Это потому, что слух у тебя острее, чем зрение, но все

же твои уши плохо слышат.

- Нет, не плохо, девушка сама сказала, что ее отец пастух.

- Ну и что? Я считаю, что это придало ей больше достоинства.

- Если так, то, когда ты станешь царем, учреди пастуший орден, и этой наградой отмечай своих князей.

- Это настолько высокая награда, Вагинак, что ее не достоин ни один князь. Этот орден могут носить только цари и патриархи. Разве ты не знаешь, что посох, вручаемый царям и патриархам, - символ пастырства?

- Символ пастыря, но не пастуха.

- А чем отличается пастух от пастыря? Ведь пастух пасет всевозможных животных: овец, коз, коров, буйволов, мулов, ослов и даже верблюдов. И ведь царь больше схож с пастухом, потому что его паства состоит из разных людей. Разве тебе не известно, что бог больше всего любил пастухов? Кем были Авраам, Моисей, Давид, если не пастухами? По моему, пастухами были все праведные люди мира, начиная с Авеля и кончая пастухом этого села, у которого такая красивая и умная дочь.

- С тобой невозможно спорить, царевич, если спор наш продолжится еще немного, то ты начнешь читать мне проповеди вардапета Месропа. Пусть дочь пастуха будет красива, говорят же 'та, что любя глазу, не может быть уродливой', Но я думаю, если бы эта девушка была дочерью землепашца, ты бы не говорил, что Каин был землепашцем, но ты бы сказал 'землепашцами были все хорошие люди, начиная с Адама и кончая землепашцем этого села, у которого такая красивая и умная дочь'.

- Вагинак, скажи мне свое мнение: кто красивее - Анаит или дочь нашего азарапета Варсеник?

- Я считаю, что, как княжна, красива дочь азарапета, а как дочь пастуха - эта крестьянка. Одна не может заменить другую.

- А которая умнее - Анаит или Варсеник?

- Я не испытывал ум ни одной из них, но, думаю, что Варсеник очень хорошо знает, что вода нашего Тартара никому еще не вредила и, попроси ты у нее воды, не стала бы подобно твоей Анаит ломаться, когда у тебя во рту пересохло.

- Вагинак...

- Приказывай, царевич.

- Вагинак, ты меня не любишь...

- Я понимаю тебя. Я увидел, что ресницы этой волшебницы Анаит подобно стрелам вонзились в твое сердце, и сожалею, что эта рана может стать неизлечимой...

Вачаган погрузился в глубокое раздумье. Умолк и Вагинак. Лишь Занги прыгал веселее обычного, словно почуял запах дичи.

4

Через несколько дней после этого случая между царем и Вагинаком произошел долгий разговор. Говорили они о Вачагане.

- Вагинак, - сказал царь, - ты был маленьким ребенком, когда пришел в наш дом, я тебя вырастил как родного сына. Сейчас ты сам имеешь сына и знаешь, что значит отцовская любовь. Наш Вачаган не отличает тебя от брата и одному тебе говорит свои сердечные тайны. Ты должен узнать, что у него на уме, и сообщить нам, чтобы

мы смогли сделать все, что в наших силах.

- Царь, отец наш, - ответил Вагинак, - Вачаган настолько скрытен, что даже мне не открывает своего сердца, но в последние дни я замечаю в нем большую перемену. Я думаю, что он влюблен в девушку по имени Анаит.

- Кто такая эта Анаит?

- Дочь пастуха из села Хацик.

- Пастуха?

- Да.

- Эта Анаит, должно быть, богиня, если смогла так околдовать Вачагана и смягчить его каменное сердце.

- Царь, отец наш, я стараюсь бранить эту девушку, высмеиваю Вачагана, но мои усилия напрасны и, думаю, ни к чему они не приведут. Эта девушка поистине богиня, красота ее восхитительна, а об ее уме рассказывают чудеса. Говорят, что даже старейшины села во всех затруднительных случаях обращаются за советом к ней. Ни один юноша не обладает ее храбростью, ни у одной девушки нет таких умелых рук, как у нее. Ее называют 'царицей лесов'. Если из стада ее отца пропадает скотина, Анаит, оседлав коня, скачет по горам и долам, находит, пригоняет ее. Эти сведения я собрал в тайне от Вачагана и ничего ему не говорил, чтобы не распалить еще больше, но я вижу, что он от нее, не откажется, Я надеюсь, что, если он не откроется вам, то от матери-царицы скрывать ничего не станет.

- Если так, то я скажу обо всем царице. Спасибо, что ты предупредил меня.

Вагинак действительно хорошо подготовил царя. По его мнению, похвалы в адрес Анаит он преувеличил, но сделал это вот почему: мол, если не будет уступок со стороны сына, то пусть уступят хотя бы родители, чтобы заветное желание Вачагана исполнилось. Вот после этого разговора и узнала мать причину грусти сына.

5

Об окончательном решении Вачагана жениться только на Анаит царица сообщила царю. Эта весть вскоре распространилась по всему дворцу, узнали об этом все слуги и служанки. На следующий день весь город бурлил от слухов. Крестьяне радовались, что царица будет из селян, и при ней они станут счастливыми. Князья же досадовали: почему сын царя ставит пастуха выше них. Купцы издевались, мол, царевич, видно, сошел с ума, если вместо того, чтобы жениться на богатой невесте с большим приданым, выбрал бедную девушку. Были люди, которые выдумывали по этому поводу всевозможные байки и рассказывали их повсюду.

Вот что они говорили:

- Бабик, говорят, сын нашего цари сватает дочь пастуха, ты слышал?..

- Это не так, дорогой Саак, ты слышал не все. Этот пастух в действительности не пастух, а царь, но так как он царствует над скотиной, то его называют пастухом. Сват нашего царя очень мудрый человек, он знает язык всех животных. Таким был только один мудрый Соломон.

- Что ты говоришь?.. Неужели у скотины тоже есть царь?

- Почему ты удивляешься? Разве ты не слышал, ведь говорят же: царь саранчи, царь змей, царь муравьев, царица пчел. И люди имели царей еще в то время, когда они

были не умнее животных.

- Я это знаю, но никогда не слышал, что животные тоже имеют царей. И потом, скажем, царь змей - змея, но неужели царь скотины - человек?

- Но если бы он не был человеком, как он мог иметь дочь, и на ком бы тогда женился сын нашего царя? Значит, это человек, раз имеет дочь, и знаешь какую дочь? Очень красивую и очень мудрую. Говорят, эта девушка не хочет выходить замуж и еще неизвестно, пойдет она за нашего царевича, или нет.

- Что ты говоришь?!

- А что ты думал...

6

Царь и царица не смогли переубедить Вачагана и однажды вечером, посоветовавшись, решили согласиться с выбором своего сына.

Сам царь был человеком добрым, он нисколько не противился желанию сына, даже обрадовался, что его сын ко всем подданным относится одинаково, никого не ставит выше других. Он лишь опасался, как бы этим поступком сын не настроил против себя надменных князей. Но когда он узнал, что крестьяне рады выбору царевича, и тоже с любовью относятся к Анаит, он сам стал уговаривать царицу дать свое согласие на этот брак...

На следующий день родители сообщили сыну о своем решении, и Вагинака с двумя почтенными князьями, с богатыми дарами послали в Хацик сватать Анаит. Когда они прибыли в дом пастуха, Аран их радушно приветствовал. Анаит дома не было. Гости расселись в просторной комнате на новом ковре, а Аран сел рядом с ними.

Этот ковер привлек внимание гостей своими замечательными узорами, яркостью красок и тонкостью исполнения.

- Какой прекрасный ковер, - сказал Вагинак. - Его, наверное, соткала хозяйка дома.

- Нет у меня жены, она умерла пять лет назад. Этот ковер выткала наша Анаит. Но ей он не нравится, говорит, получилось не то, что хотела. Начала ткать новый, вон он на станке покрыт холстом.

- Даже во дворце нашего царя нет такого украшения, - сказал один из князей и, обратившись к Арану, добавил: - Мы рады, что твоя дочь такая мастерица. Слава о ней дошла до нашего царя. И вот он послал нас к тебе сосватать Анаит. Царь желает, чтобы ты отдал свою дочь за его единственного сына Вачагана - наследника престола.

Сказав это, князь ожидал, что Аран либо не поверит, либо подпрыгнет от радости.

Но Аран не сделал ни того, ни другого, а опустил голову и в задумчивости стал водить пальцем по узору на ковре. Из раздумья его вывел Вагинак.

- Почему ты загрустил, Аран? Мы принесли тебе радость, а не печаль. Мы насильно не увезем твою дочь. Это зависит лишь от твоей воли: захочешь - отдашь дочь, не захочешь - не отдашь. Нам только нужно, чтобы ты сказал прямо: согласен ты или нет.

- Мои почтенные гости, - ответил Аран. - Я очень благодарен, что наш владыка царь украшение для своего роскошного дворца хочет взять из бедной хижины своего

слуги. Может быть, такого украшения, как вы сказали о ковре, нет в его дворце, но я скажу вам правду: я не волен отдать или не отдать дочь. Вот придет она, спросите ее: если согласится, мне нечего будет сказать.

Как раз во время этого разговора пришла Анаит с корзиной, полной винограда, персиков, груш и яблок. Поклонилась гостям, о приходе которых ей уже дали знать, переложив фрукты на медный поднос, подала им. Сама же подошла к станку, откинула холст и стала ткать начатый ковер. Князья смотрели, как работает Анаит, и были изумлены ловкости ее быстрых пальцев.

- Анаит, почему ты ткешь одна? - спросил Вагинак. - Я слышал, у тебя много девушек-учениц.

- Да, есть у меня человек двадцать, - ответила Анаит, - но сейчас время сбора фруктов, я отпустила их. Да если б даже они были здесь, я бы не дала им ткать этот ковер. Его должна соткать я одна.

- Слышал, что ты обучаешь своих учениц чтению...

- Да, обучаю. Сейчас каждый человек должен уметь читать. На днях снова приезжал старец Месрон и строго сказал, чтобы все научились грамоте, сами могли читать и понимать Библию. Теперь даже наши пастухи умеют читать, обучают друг друга во время пастбы. Если сейчас пройти по нашим лесам, то можно увидеть, как исписана кора на толстых деревьях. Третьего дня на одном дереве я прочла десять стихов из псалмов. Все стены крепостей, все скалы исписаны углем. Один пишет несколько строк из евангелия, а другие продолжают. Вот так наши горы и ущелья заполнились письменами.

- У нас ученье не так распространено, наши люди ленивы, но я надеюсь, что когда мы увезем тебя в наш город, ты наших ленивцев сделаешь усердными и трудолюбивыми. Оставь на минуту свою работу, Анаит, подойди, нам надо с тобой поговорить. Вот, посмотри, что тебе прислал наш царь.

Говоря это, Вагинак раскрыл сверток и достал из него золотые украшения и шелковые наряды.

Анаит этим драгоценностям не удивилась, как невидали, а скромно спросила:

- Можно ли узнать, почему царь оказал мне такую честь?

- Сын нашего царя, Вачаган, видел тебя у родника, ты дала ему напиться, и очень ему понравилась. Теперь царь послал нас, чтобы мы сосватали тебя за его сына. Вот это кольцо, это ожерелье, этот браслет - все для тебя.

- Значит, тот охотник был царевичем?

- Да.

- Он, видно, хороший юноша, но знает ли он какое-либо ремесло?

- Он сын царя, Анаит, зачем ему ремесло? Он владеет страной, все жители его слуги.

- Да, это так. Но кто знает, что может случиться в жизни. Сегодняшний хозяин завтра сам может стать слугой, даже если он и был царем. Ремесло должен знать каждый человек, будь то слуга или хозяин, царь или князь.

Услышав эти слова, князья переглянулись. Посмотрели они на Арана и увидели, что он одобряет слова дочери. Затем они спросили Анаит:

- Значит, ты не выйдешь замуж за сына царя только потому, что он не знает ремесла?

- Да, и все то, что вы принесли мне, возьмите обратно и скажите царевичу, что он мне очень понравился, но пусть он извинит меня - я не выйду за человека, не владеющего ремеслом. Если он хочет, чтобы я стала его женой, пусть сначала обучится какому-либо ремеслу.

Князья поняли, что Анаит непреклонна в своем решении, и не стали настаивать. Эту ночь они провели в доме Арана. Анаит им оказала гостеприимство и рассказала сказку об одном царе, который владел многими ремеслами, обучил и своих подданных и очень обогатил свою страну, Видя, что слова Анаит разумны, князья устыдились, что они не знают никакого ремесла. Лишь Вагинак с гордостью сказал, что он хорошо знает ювелирное дело, обучился этому у дворцового ювелира. На следующий день они ушли и обо всем, что увидели и услышали, подробно рассказали царю. Царь и царица, узнав об ответе Анаит, очень обрадовались, подумав, что Вачаган не примет ее условия и откажется от нес. Но когда его позвали и поведали обо всем, он сказал:

- Анаит права, каждый человек должен знать какое-либо ремесло. Царь тоже человек, и он также должен владеть ремеслом.

- Значит, ты согласен обучиться ремеслу? - спросила мать.

- Да.

- Но скажи правду, зачем ты хочешь обучиться ремеслу: затем, что понял его необходимость, или чтобы стать достойным Анаит.

- И то и другое... К чему скрывать? - ответил Вачаган.

Убедившись, что его сын хочет обучиться какому-либо ремеслу, царь позвал к себе нескольких князей на совет. Они сошлись на том, что достойное царевича ремесло - умение ткать парчу, которой нет в их стране и которую привозят из дальних стран за очень дорогую цену. Послали в Персию людей, привезли оттуда опытного мастера. За год Вачаган так овладел ремеслом, что из тонких золотых нитей соткал для Анаит кусок парчи и через Вагинака послал ей в подарок.

Получив этот дар, Анаит сказала:

- Сейчас мне уже нечего сказать: 'Нужда заставит - и ткачом станешь'.

- Передайте царевичу, что я согласна, и в дар от меня отвезите ему новый ковер.

Начались приготовления к свадьбе. Семь дней, семь ночей длилась эта свадьба и стала невиданным праздником для всей страны. Радость крестьян была безмерна. У них было много причин для этого: во-первых, они очень любили царя и его сына, во-вторых, Анаит среди них пользовалась хорошей славой, и они очень надеялись на ее доброту, в-третьих, в день свадьбы царь приказал на три года освободить крестьян от всяких налогов. Поэтому крестьяне еще долгое время пели:

Как на свадьбе Анаит
солнце золотом горит,
как на свадьбе Анаит
ливень золото струит.

Раззолочены поля и амбары до краев,

мы избавились от бед, от налогов и долгов.

Мать-царица, благодарствуй, златорукая, да здравствуй!

7

На пышной свадьбе Анаит не было Вагинака. Однажды царь послал его с каким-то поручением в город Перож, находившийся недалеко от Барда. Вагинак ушел и больше не вернулся. Расспрашивали всех, искали, но Вагинак пропал, словно в воду канул.

Люди, посланные на поиски Вагинака, привезли царю весть, что бесследно пропавших людей много и никому не известно, как и куда они исчезают.

Царь подумал, что, видимо, есть какие-то разбойники-работоторговцы. Они похищают людей и продают диким племенам, обитающим в кавказских горах. Он послал в те страны смелых людей, они объехали города и села, но никаких следов Вагинака не нашли, и, отчаявшись, вернулись обратно.

Это бесследное исчезновение Вагинака причинило царю большое горе. Он горевал не только потому, что любил как сыны, но и потому, что в его стране происходили такие странные вещи, а он не мог найти выхода.

Вскоре после этого случая царь и царица, дожившие до глубокой старости, умерли. Вся страна сорок дней была в трауре. А через сорок дней собрались все горожане и возвели на престол Вачагана.

Заняв престол своих предков, Вачаган решил так благоустроить страну, чтобы не было ни одного недовольного человека, чтобы все были радостны и счастливы. Его ближайшим советником была Анаит. Он всегда сначала советовался с нею, а затем приглашал на совет мудрых людей из народа и сообщал им о своих намерениях. Но Анаит считала, что этого недостаточно, и однажды сказала ему:

- Государь мой, я вижу, что у тебя нет достоверных сведений о своей стране.

Приглашаемые тобою люди не всегда говорят правду. Чтобы успокоить и обрадовать тебя, они твердят, что все хорошо, все в порядке, что жители страны довольны жизнью. Кто знает, что в эту минуту творится в твоей стране, о чем эти люди тебе не говорят. Время от времени ты должен, переодевшись, бродить по стране, то под видом нищего просить милостыню, то заниматься торговлей, то батрачить. Словом, ты должен все испытать, чтобы лучше узнать жизнь и людей. Бог за все потребует у тебя отчета, ты его наместник в своей стране, и должен все видеть и все знать.

- Ты совершенно права, Анаит, - сказал царь, - мой покойный отец так и делал, но в старости это было ему не по силам. Во время охоты я поступал почти так же. Но как мне быть сейчас? Если я уйду, кто будет править страной?

- Я буду править сама и сделаю так, что никто не узнает о твоём отсутствии.

- Очень хорошо. Я могу отправиться в путь завтра же. И если через двадцать дней я не вернусь, знай, что меня нет в живых, или я попал в беду.

8

Переодевшись простым крестьянином, царь Вачаган отправился в отдаленные края своей страны. Много он повидал, многое услышал, но то, что он узнал по возвращении в городе Пероже, превзошло все виденное им ранее.

Город Перож, который теперь уже исчез с лица земли, стоял на берегу реки Куры. Жителями его были персы-идолопоклонники. Жили там и армяне-христиане, но их было мало, и не было у них ни церкви, ни священника.

В центре города находилась площадь, где был городской рынок. Возле него расположились лавки ремесленников и купцов.

Однажды Вачаган на этой площади увидел, как группа людей сопровождает почтенного седобородого старца с поднятыми руками. Старец ступал очень осторожно, перед ним расчищали путь и подкладывали под ноги кирпичи. Вачаган подошел к одному человеку и спросил, кто этот старец, тот ответил:

- Это наш верховный жрец. Неужели ты его не знаешь? Посмотри, он так свят, что не ступает на землю, чтобы случайно не раздавить какое-либо насекомое.

В конце рынка расстелили ковер, верховный жрец сел на него отдохнуть. Вачаган подошел и стал напротив него, чтобы видеть, что будет делать или говорить этот человек. У жреца был очень острый глаз, он взглянул на Вачагана и, видя, что тот не местный и ему незнаком, поманил его к себе. Вачаган подошел.

- Кто ты такой, чем занимаешься? - спросил жрец.

- Я из чужих краев, рабочий, - ответил Вачаган, - пришел в этот город на заработки.

- Пойдешь со мной, я дам тебе работу и хорошо заплачу.

Вачаган поклоном головы выразил согласие и стал в сторону рядом с сопровождавшими жреца людьми.

Верховный жрец шепнул что-то своим жрецам, и они разошлись в разные стороны, а через несколько минут вернулись с носильщиками, навьюченными разной кладью.

Когда все собрались, верховный жрец поднялся и с той же торжественностью направился к своему жилищу. Вачаган молча последовал за ним. Не мешало бы узнать, чем занимаются эти жрецы и что за человек этот верховный жрец, какие он совершил благодеяния и почему его почитают как святого. Так они дошли до окраины города.

Здесь верховный жрец, благословив провожающих его ревностных идолопоклонников, вернул их обратно, остались только жрецы, носильщики и Вачаган. Они продолжили свой путь и удалились от города почти на две версты. Достигнув какого-то огороженного строения, они остановились перед железной дверью. Верховный жрец достал из кармана огромный ключ, отпер дверь и, впустив всех, снова запер ее. Тут Вачаган понял, что выйти отсюда по своей воле он не сможет. Пришедшие с Вачаганом носильщики тоже были здесь впервые. Они переглянулись и начали перешептываться, не понимая, куда их привели. Наконец, миновав сводчатый проход, они вышли на просторную площадь, в центре которой стояло капище с куполом, окруженное маленькими кельями. Носильщикам велели оставить кладь перед этими кельями, а их вместе с Вачаганом верховный жрец повел за капище, там отпер еще одну железную дверь и сказал: - Входите, вам дадут работу.

Растерянные, они молча вошли внутрь, и жрец запер за ними дверь. Тут только наши чужестранцы пришли в себя и увидели, что стоят перед входом в какое-то

подземелье.

9

Братья, не знаете, куда это мы попали? - спросил Вачаган.

- Я знаю, что мы попали в ловушку, и уже отсюда не выберемся, - сказал один.

- Но ведь этот старец святой человек, неужели он способен на такое? - сказал другой.

- А почему бы нет? Наверное, этот святой человек знает, что мы в чем-то виновны, поэтому привел и бросил нас в это чистилище, чтобы мы искупили свои грехи.

- Не время шутить, - сказал Вачаган. - Я думаю, что этот жестокий старик - страшный дэв, скрывающийся под личиной святого, и теперь мы стоим на дороге в ад. Посмотрите, какой здесь мрак, и кто знает, какие еще муки уготованы нам. Но почему мы стоим, как окаменелые? Эта дверь никогда уже не откроется, пойдем вперед, посмотрим, куда ведет эта дорога.

Пройдя порядочное расстояние, они вдруг увидели вдали слабый свет лампы.

Пошли на свет, и перед ними открылась широкая, выложенная камнем площадь.

Отовсюду раздавались ужасающие крики. Взглянув наверх, они поняли, что находятся в искусственной пещере. Она была построена наподобие зернохранилища: скалу начали долбить сверху и, постепенно опускаясь, все больше расширяли яму, и таким образом в цельном камне был сделан просторный куполообразный зал.

Потрясенные пленники оглядывали эту темницу и напряженно вслушивались, чтобы узнать, откуда раздавались вопли. И вдруг перед ними появилась какая-то тень, которая, медленно приближаясь и сгущаясь, обрела четкие очертания.

Вачаган пошел навстречу этой тени и громко спросил:

- Кто ты, сатана или человек? Подойди к нам поближе и скажи, где мы находимся.

Призрак приблизился и, весь, дрожа, стал перед Вачаганом. У него были впалые глаза, провалившиеся щеки, выпавшие волосы. То был настоящий скелет, все кости которого можно было пересчитать. Этот живой труп, едва шевеля губами, всхлипывая и заикаясь, произнес:

- Идите за мной, я вам покажу, куда вы попали. Он повел их по узкому проходу в помещение, где

они увидели валявшихся на холодной земле голых людей. Люди эти умирали, исторгая душераздирающие вопли и стоны. Вагинак и его спутники пошли дальше и увидели огромные котлы, в которых несколько истощенных людей варили еду.

Вачаган подошел к этим котлам, чтобы посмотреть, что в них варится, и в ужасе отпрянул, не сказав своим товарищам, что же он там увидел. Затем они пришли в просторный зал, где при тусклом свете работали сотни мертвенно-бледных людей. Одни вышивали, другие вязали или шили, некоторые занимались ювелирным делом.

Показав все это, человек-призрак привел их обратно в первую пещеру и сказал:

- Тот дьявол старик, который обманул вас и завел сюда, когда-то так же поступил и с нами. Сколько времени я тут нахожусь, мне неизвестно, потому что здесь нет дней и ночей, здесь лишь бесконечный мрак. Знаю только, что все люди, попавшие сюда

до меня и вместе со мной, уже погибли. Сюда пригоняют разных людей, знающих ремесло и не знающих его. Ремесленников заставляют работать до самой смерти, а тех, кто не знает никакого ремесла, сгоняют на бойню, а оттуда на ту кухню, которую вы видели. Вот какое это ужасное место. Старый дьявол не одинок, у него сотни помощников - все они жрецы. Их жилище находится над этим адом.

- Скажи, что они теперь сделают с нами? - спросил Вачаган.

- То же, что и с другими. Кто из вас знает ремесло, будет работать до самой смерти, а тех, кто не знает - отправят на бойню. Я уже живу в мертвецкой, потому что сказал им, что у меня больше нету сил работать. Но бог не берет мою душу, наверное, хочет вывести меня отсюда на белый свет. И знаете, я верю в это, потому что видел во сне женщину, которая в короноподобном шлеме с обоюдоострым мечом в руке сидела на огненном коне. Она мне сказала: 'Не отчаивайся, Вагинак, я скоро приду и всех вас освобожу'. Я бы давно умер, если бы эта чудо-царица не вселила в меня надежду. Эта надежда питает мою душу, и насколько я слаб телом, настолько силен духом. Ах, мой Вачаган, где ты, почему ты забыл своего Вагинака?...

Вачаган находился в таком оцепенении, что рассказ этого человека лишь долетал до его слуха, но не доходил до сознания, однако при последних словах он вздрогнул, будто очнулся от глубокого сна. 'Значит, это наш Вагинак', - подумал он. Придя в себя, он хотел броситься к Вагинаку, обнять его, хотел сказать ему, что он Вачаган, но, не поверив своим ушам, вновь спросил его, кто он и как сюда попал.

Вагинак начал свой рассказ издалека. И Вачаган решил, что если он вдруг сообщит ему, кто он такой, то эта весть может подобно острому мечу оборвать тонкий волосок, на котором висела жизнь Вагинака. Поэтому он прервал его рассказ:

- Твое имя, как мне слышалось, Вагинак?

- Вагинак, да, Вагинак... я когда-то был...

- Брат Вагинак, тебе вредно много говорить. Живи, пока твой сон исполнится. Я благодарен тебе, что ты рассказал о нем. Теперь мы будем жить этой же надеждой. Хорошо бы тебе поведать о своем сне другим своим товарищам. Я толкователь снов, и уверяю тебя, что твой сон исполнится в точности. Но вот слышны чьи-то шаги, иди на свое место.

10

Спутников Вачагана было шестеро. Он спросил их, знают ли они какое-либо ремесло. Один сказал, что умеет ткать полотно, другой - шелк, третий - портняжить, а остальные трое не знали никакого ремесла.

- Не беда, - сказал Вачаган. - Я скажу, что все вы мои собратья по ремеслу, а я знаю очень хорошее ремесло.

Звуки шагов, отдаваясь эхом, постепенно приближались, и перед ними встал жрец со свирепым лицом, а с ним группа вооруженных людей.

- Это вы новоприбывшие? - спросил жрец.

- Да, мы твои слуги, - ответил Вачаган.

- Кто из вас знает ремесло?

- Все мы знаем ремесло, - сказал Вачаган, - мы умеем ткать очень дорогую парчу. Одна мера нашей ткани стоит сто мер золота. У нас была большая мастерская, но

случайно она сгорела. Приехали в город, чтобы найти какую-нибудь работу, встретили верховного жреца, и он привел нас сюда.

- Хорошо, но неужели и вправду так дорого стоит ваша ткань?

- В наших словах нет лжи, ведь вы можете проверить.

- Конечно, я вскоре узнаю, насколько правдивы ваши слова. А сейчас скажите, какие нужны вам материалы и инструменты.

Вачаган подробно перечислил все, что было нужно. Через несколько часов все было готово. Жрец велел им отправиться в мастерскую, где они будут работать и там же пообедать вместе с другими.

- Там мы не сможем работать, - сказал Вачаган, - нам необходимо отдельное просторное помещение. Самое удобное место здесь. Наша тонкая работа требует много света, при тусклом свете ничего сделать нельзя. А что касается нашей пищи, вам надо знать, что мы не едим мяса. Мы не привыкли к этой еде. Если мы съедим мясо, то умрем, и вы лишитесь большой выгоды. Я говорю правду: одна мера нашей парчи стоит сто мер золота.

- Хорошо, - сказал жрец, - для вас я пришлю хлеб и растительную пищу, у вас будет также много света. Но если ваша работа окажется не такой, как вы говорите, я всех вас отправлю на бойню и, прежде чем убить, подвергну страшным пыткам.

- В наших словах нет лжи, и если вы хотите получить обещанную выгоду, то должны выполнить нашу просьбу.

Жрец сдержал свое обещание. Он посылал им белый хлеб, овощи, молоко, мацун, сыр и всевозможные свежие и сухие фрукты. Вагинаку тоже доставалась доля из этой пищи, да и другим узникам тайком раздавали кусочки белого хлеба. От этой пищи Вагинак стал поправляться, приходить в себя. Вачаган вместе со своими товарищами принялся за работу. За короткий срок изготовил кусок превосходной парчи с такими узорами, в которых можно было прочесть историю этого ада.

Жрец, увидев готовую парчу, пришел в восторг. Вачаган сложил ткань и, вручая жрецу, сказал:

- Я сначала говорил, что одна мера нашей ткани стоит сто мер золота, но теперь я должен сказать, что эта парча стоит вдвое дороже, на ней талисманы, которые принесут радость и счастье ее обладателю. Но простые люди не смогут ее оценить. Цену ей знает только царица Анаит, да кроме нее никто и не осмелится носить такую драгоценную парчу.

Когда жрец узнал настоящую цену ткани, его глаза заблестели от алчности. Он ничего не сообщил обо всем этом хитрому верховному жрецу, он даже не показал ему эту парчу. Жрецу хотелось одному поехать к царице и самому получить от нее золото.

11

Во время отсутствия Вачагана Анаит очень хорошо управляла страной. Никто не знал, что правит страной не Вачаган, а Анаит. Но она была сильно встревожена, потому что сверх условленных двадцати дней прошло еще десять, а царь не вернулся. Анаит не знала покоя ни днем ни ночью. Ей снились кошмарные сны, она в страхе вскакивала. Все вокруг изменилось, казалось зловещим. Занги, прильнув к

ногам царицы, беспрестанно выл, скулил, жалобно повизгивал и еще больше усиливал ее беспокойство. Конь Вачагана, подобно жеребенку, потерявшему мать, тоскливо лежал, почти ничего не ел и тощал со дня на день. Куры кричали по петушину, а петухи, вместо того чтобы петь на рассвете, клохтали, как фазаны, по вечерам. Соловьи перестали петь, и в саду по ночам раздавалось лишь уханье совы. Больше не плескались весело волны Тартара, а тоскливо катились вдоль садовой ограды, шепча: ваш-виш-ваш-виш. Мужественную Анаит охватил непривычный страх, даже тень казалась ей вытянувшимся перед нею. Она вздрагивала от любого стука, от обычного шума. Временами ей хотелось вызвать князей, сказать им об исчезновении Вачагана, но она боялась, что в стране начнутся беспорядки. Однажды утром, очень грустная, она гуляла в саду, когда пришел слуга и сообщил, что прибыл какой-то чужеземный купец и говорит, что у него есть замечательный товар для царицы. Сердце Анаит беспокойно забилося. Она приказала ввести купца. Вошел человек свирепого вида, низко поклонился царице и положил перед нею кусок золотой парчи на серебряном подносе. Анаит взяла парчу, рассмотрела ее и, не обратив внимания на узор, спросила цену.

- Одна мера стоит триста мер золота, милостивая царица. Во столько обошелся мне лишь материал, а плату за труд оставляю на твою милость.

- Неужели так дорого?

- Долгих лет жизни тебе, царица! В этой парче есть такая сила, которой нет цены. Ее узоры не простые рисунки, а талисманы, а сила этих талисманов в том, что они приносят радость и счастье. Тот, кто наденет ее, не будет знать печали.

- Вот как!

Анаит развернула парчу и стала внимательно рассматривать узоры, которые оказались не талисманами, а тайнописью. Анаит молча прочитала следующие слова: 'Моя бесподобная Анаит. я попал в кошмарный ад. Тот, кто доставит тебе эту парчу, один из его стражей. Здесь оказался и Вагинак. Ад находится к востоку от города Перож а, в подземелье обнесенного оградой капища. Если ты срочно не придешь на помощь, мы погибнем. Вачаган'.

Анаит прочитала эти слова во второй и третий раз: она не верила своим глазам и читала снова и снова, в то же время она думала, как ей быть. После долгих раздумий, не отрывая глаз от письма, она, радостная, обратилась к жрецу:

- Ты говоришь правду, узоры твоей парчи приносят радость. Я сегодня была очень грустна, но сейчас я чувствую какую-то особую непередаваемую радость. По-моему, этой парче цены нет. Если бы ты за нее попросил половину моего царства, я бы не пожалела. Но знаешь, мне кажется, ни одно творение не идет в сравнение с его творцом. Не так ли?

- Долгих лет жизни тебе, царица, ты, конечно, права: творение не может сравниться с творцом.

- Если ты согласен со мной, то должен привести ко мне ее создателя, чтобы я вознаградила его, так же, как и тебя. Ты, наверное, слышал, что я очень ценю ремесло и готова любого хорошего ремесленника вознаградить наравне с моими храбрыми воинами.

- Милостивая царица, я не видел и не знаю того, кто сделал эту ткань. Я купец. Купил ее в Индии у одного еврея, а тот - у одного араба, а араб - неизвестно у кого, в какой стране.
- Но ты, кажется, сказал, что материал обошелся тебе во столько-то, ты не говорил, что купил эту ткань, из этого видно, что ты сам заказал соткать ее.
- Милостивая царица, мне так сказали в Индии, а я...
- Постой, постой, где твоя Индия? До нее, как отсюда до Перожа?
- Нет, милостивая царица, Перож рядом с нами, а до Индии три-четыре месяца пути.
- Но знаешь, если я захочу, то твоя Индия окажется в Пероже. Можешь ли ты сказать мне, кто ты такой, откуда ты, какой национальности, какой веры, где ты родился, где ты живешь, каким занят делом?
- Милостивая царица...
- Слушай, я тебя не помилую, привезенные тобою талисманы поведали мне о тебе. Слуги, схватите этого человека и бросьте в темницу.

12

Вачаган больше не сомневался в том, что он будет освобожден. Желая и в своих товарищах поддержать надежду, он обратился к Вагинаку:

- Знаешь, Вагинак, мне приснился точно такой же сон, как и тебе. И я надеюсь, что мы вскоре будем освобождены. Но я хотел предупредить вот о чем. Если мы сразу выйдем из этого мрака на свет божий, то яркий свет может ослепить нас. Поэтому при выходе отсюда не забудьте зажмуриться. Потом постепенно привыкнете к свету. Об этом мне говорили люди, вышедшие из тюрьмы.
- Дай бог нам выйти из этого ада. Даже если глаза наши ослепнут, не беда, но сказанное тобой, мастер, напомнило мне один случай, о котором не могу не рассказать. Однажды я и сын царя во время охоты, очень усталые, отдыхали у одного родника. Девушки ближайшего села стояли у родника и по очереди наполняли водой свои кувшины. Царевич попросил напиться. Одна из девушек наполнила кувшин, чтобы дать ему, но другая взяла у нее кувшин и опорожнила его. Затем сама начала наполнять его и выливать воду и повторила это двадцать или тридцать раз - врать не буду, плохо помню. Я очень разозлился, но царевичу понравился поступок девушки, особенно когда, дав ему наконец воды, она сказала, что поступила так не по злему умыслу. Увидев, какие мы усталые и потные, она решила дать нам холодной воды не сразу, чтобы мы немного отдышались и поостыли. То, что ты сейчас сказал, напомнило слова той девушки. А знаешь, быть может, та девушка и стала нашей царицей. Увидев ее, царевич не захотел жениться на другой и решительно сказал: или она, или никто. Царь вынужден был послать меня к ее отцу и сделать предложение, но девушка отказала: мол, я не выйду замуж за человека, не знающего ремесла. Тогда это рассмешило меня, но царевич понял разумность ее слов и за год научился ткать прекрасную парчу, точь в точь такую, как твоя. А я только тогда понял значение ее слов, когда попал в этот ад.
- Но скажи мне, брат Вагинак, почему мы во сне видим не царя, а царицу?
- Кто знает? Ты это должен знать лучше меня, потому что ты толкователь снов, и

прости меня за то, что я сейчас скажу тебе в лицо - в словах моих нет лицемерия, - ты мне кажешься очень мудрым человеком. Если ты смог в этом аду получить человеческую пищу, то ты можешь сделать и многое другое. И я удивляюсь, что ты не совершаешь чудо, не спасаешь всех нас. Если бог даст, и мы выйдем из этого ада, я уверен, царь сразу же позовет тебя к себе и сделает своим ближайшим советником. - И это произойдет, конечно, благодаря тебе, потому что я не знаком с царем. Но кто знает, в каком положении находится сейчас сам царь, быть может, он попал в какой-то другой ад и, подобно мне, ткёт парчу. Для чего же он выучился ремеслу ткача?

- Твои слова мне кажутся загадочными... но нет... не дай бог, чтобы я видел моего Вачагана в таком положении, как мы. Пусть лучше я умру сию же минуту.

- В моих словах нет ничего загадочного, брат Вагинак, я говорю то, что думаю. По-моему, царь такой же смертный, как и мы. Мы болеем - он тоже болеет, нас убивают, берут в плен - с ним может случиться то же самое. Он как и мы, в воде тонет, в огне горит, ест такой же хлеб, а может, еще более горький...

- Все это верно, мастер. Но, мне кажется, царь должен быть настолько благоразумным, чтобы не попасть в этот ад.

- Это несчастный случай, брат Вагинак. Разве царь может знать, что святой верховный жрец - это страшное чудовище? Разве он может знать, что есть люди, которым ужасное злодеяние доставляет удовольствие? Нет, Вагинак, ни один смертный на свете не может избежать внезапной беды. Сегодняшний счастливец не ведает, какое его завтра ждет несчастье. Другое дело, если опасность встала перед тобой в своем подлинном облики. Умный человек, встретившись с бурлящей рекой, не бросится, очертя голову, в нее, а станет искать брод. Что ни говори, а наш сон говорит о том, что царь попал в какую-то беду, и сердце мое чует, что он будет спасен тогда же, когда спасемся мы.

- И, конечно, он спасет нас благодаря своему умению ткать парчу. А мое сердце говорит мне, что в эту минуту я слышу голос моего царя, этот голос, с той первой минуты, как я его услышал, пронзил мое сердце. Но верить ли мне моим ушам? Ну, что скажешь ты?

- Нет, нет, не верь! Но поверь тем звукам, которые услышишь снаружи. Прислушайтесь, вот слышен шум и грохот, словно сотрясаются ворота ада, наверное, спаситель уже близко. Дайте знать всем, чтобы собрались здесь и были готовы...

13

Анаит, заточив в темницу жреца, тотчас же приказала трубить тревогу. Внезапные резкие звуки огромных военных труб были знаком того, что над страной нависла грозная опасность. Не прошло и часа, как все жители города собрались перед дворцом, толпа бурлила подобно водовороту, никто не знал, что случилось, все взволнованно спрашивали друг друга, но ответа не получали. Вдруг на балконе появилась вооруженная с ног до головы Анаит и, обращаясь к народу, сказала: - Жизнь вашего царя в опасности. Только что я узнала, где он находится. Он отправился в путешествие по стране, чтобы увидеть своими глазами нужды и

заботы народа. Он встретил злых людей и попал в страшный ад. Больше мне сообщить пока нечего. Времени терять нельзя. Тот, кто любит своего царя, кому дорога его жизнь, должен пойти за мной. Мы должны до полудня дойти до города Перожа. Я уже готова и жду вас. Идите, готовьтесь.

В одно мгновение народ разошелся с возгласами: 'Да здравствует царь, да здравствует царица!'. И не прошло и часа, как все, вооружившись, были готовы. Отважные девушки и женщины, узнав, что войско возглавит сама царица, также вооружились и верхом на конях окружили ее. Анаит была прекрасна. Она сидела на огненном коне в золоченых доспехах, с собранными под шлемом волосами, с широким мечом на боку, со щитом за спиной. Лицо ее пламенело, глаза сверкали, вид у нее был воинственный.

Когда вышли из города, Анаит объехала войско и, давая приказания, за несколько минут привела в порядок конницу. Воскликнув: 'Вперед!', она прищипорила коня и в одну секунду скрылась из виду. Через два часа она на своем огненном коне была уже на площади города Перожа. Горожане-идолопоклонники, приняв ее новую богиню, толпами падали перед ней на колени и склоняли головы до самой земли.

- Где ваш градоначальник? - крикнула Анаит грозно.

Один из стоявших на коленях дрожащим голосом сказал:

- Я здешний градоначальник, твой слуга...

- Значит, это ты настолько беспечен, что не ведаешь, что происходит в храме твоих богов?

- Я, твой слуга, ничего не знаю.

- Может быть, ты не знаешь, где находится ваше капище?

- Как не знать, твой слуга прекрасно знает.

- Тогда покажи дорогу...

Не прошло и получаса, как Анаит, сопровождаемая толпами высыпавших на улицу горожан, подъехала к ограде капища. Жрецы решили, что это толпы паломников, и сразу открыли ворота. Но когда народ ворвался во двор и они увидели прекрасное грозное лицо рыцаря, их охватил непривычный страх. Анаит в одну минуту нашла дверь и, обращаясь к градоначальнику, приказала:

- Откройте вот эту дверь!

Пока по приказу градоначальника несколько человек готовились взломать дверь, появился верховный жрец в своем священном одеянии - он хотел напугать верующих и заставить отступить. Когда он вышел в белой ризе, с высокой двурогой короной верховного жреца на голове, с посохом в руке, народ в страхе отпрянул, расступился перед ним. Он подошел к Анаит и грозно крикнул:

- Чего ты хочешь, кто ты? Уйди отсюда! Едва сдерживая гнев, Анаит сказала:

- Я приказываю открыть эту дверь!

- Кто может здесь приказывать, кроме меня? Это дверь в наше святилище. Здесь находится прах наших предков, здесь наш негасимый жертвенник, посмотрите на дым, поднимающийся до самого неба. Не гневите богов! Разойдитесь, уходите, убирайтесь! Как вы смеете своими грязными ногами ступить в это священное место! Страшные угрозы верховного жреца вселили ужас в идолопоклонников. Опустив

головы, они отпрянули назад. Но среди них были христиане, они продолжали твердо стоять на своих местах, подозревая, что за этой дверью скрывается ужасная тайна. Они в один голос кричали:

- Откройте, откройте дверь!

Верховный жрец, увидев, что люди не покоряются ему, повернулся лицом к капище и, возводя руки, воскликнул:

- О, всемогущие боги! Ваш священный храм оскверняется, помогите!..

При этих словах дверь открылась и оттуда высыпала группа рассвирепевших вооруженных людей. Это были жрецы. Верховный жрец приказал им охранять дверь и никому не позволять подходить к ней.

Терпение Анаит лопнуло. Оглянувшись, она увидела тучи пыли над городом и поняла, что ее войско совсем рядом. Это придало ей силы, и она решила одна справиться со всем этим и увидеть своего Вачагана. В левую руку она взяла щит, правой вытащила меч и, обращаясь к жрецам, крикнула:

- В последний раз приказываю вам бросить оружие и открыть дверь в этот ад.

Жрецы приготовились к сопротивлению. Умный конь Анаит понял намерение своей владычицы и, почувствовав легкое прикосновение шпор, сбил с ног верховного жреца и бросился на других. Анаит снесла головы трем жрецам и оттянула коня назад. Жрецы окружили ее и ранили коня. Анаит стала защищаться, а конь продолжал нападать, он наносил удары копытами и спереди, и сзади, жрецы сражались отчаянно и яростно. Жизнь Анаит была в опасности. Заметив это, на жрецов сзади напали христиане. Жрецы растерялись и повернулись, чтобы отбиться от них. Воспользовавшись этим, Анаит снова устремилась на жрецов, еще троим, снесла головы, а нескольких раздавила конем. Видя, что христиане помогают Анаит, язычники решили, что это религиозная война, и сейчас же присоединились к жрецам и стали забрасывать камнями христиан. Камнем сбили шлем с головы Анаит, и ее густые и длинные волосы рассыпались по плечам и укрыли ее - видны были только ее огненные глаза. Ее вид вселил в толпу новый страх, град камней прекратился. Тогда Анаит вновь напала на жрецов и, нанеся некоторым смертельные раны, повалила их наземь. В эту минуту подоспели передовые копьеносцы ее войска вместе с девушками и женщинами и, увидев отчаянную борьбу своей царицы, с криками бросились на жрецов. Через минуту оставшиеся в живых жрецы обратились в бегство. Толпа расступилась, и на открытой площади осталась Анаит, окруженная отважными девушками и женщинами. Один из христиан принес ее шлем, отнятый у толпы. Анаит, живая, здоровая, сошла с коня, привела в порядок свои волосы и надела шлем. Она приказала подошедшим войскам окружить храм, в котором укрылись жрецы, заперев изнутри дверь. Затем обратилась к толпе:

- Подойдите сюда и посмотрите, что скрывается в святилище вашего верховного жреца! - И приказала взломать дверь.

Перед народом открылось ужасающее зрелище. Из адского логова стали выползать люди, похожие на восставших из могил мертвецов. Многие были при последнем издыхании и не могли стоять на ногах. Их радостные вопли, крики и плач

раздирали душу. Последними вышли Вачаган и Вагинак с опущенными головами. Царица узнала Вачагана и сделала знак своим людям, чтобы его отвели в приготовленный для него шатер. Вачаган вел за руку Вагинака, который следовал за ним с закрытыми, как у нищего слепца, глазами. Усадив всех спасенных на площади. Анаит приказала своим воинам войти в подземелье и вынести все, что там осталось. Воины вынесли трупы недавно умерших людей, отрезанные головы, корзины, наполненные человеческими телами, котлы, полные человеческого мяса, различные инструменты и предметы ремесла...

Увидев это страшное злодеяние, идолопоклонники, охваченные чувством стыда и ужаса, закричали: 'Велик бог христиан, капище - это ад, идолы - это дети богов! Разойдитесь, уходите, убирайтесь! Как вы смеете своими нечестивыми ногами ступать в это священное место!

Страшные угрозы верховного жреца вселили ужас в идолопоклонников. Опустив головы, они отпрянули назад. Но среди них были христиане, они продолжали твердо стоять на своих местах, подозревая, что за этой дверью скрывается ужасная тайна. Они в один голос кричали:

- Откройте, откройте дверь!

Верховный жрец, увидев, что люди не покоряются ему, повернулся лицом к капищу и, возводя руки, воскликнул:

- О, всемогущие боги! Ваш священный храм оскверняется, помогите!..

При этих словах дверь капища открылась и оттуда высыпала группа рассвирепевших вооруженных людей. Это были жрецы. Верховный жрец приказал им охранять дверь и никому не позволять подходить к ней.

Терпение Анаит лопнуло. Оглянувшись, она увидела тучи пыли над городом и поняла, что ее войско совсем рядом. Это придало ей силы, и она решила одна справиться и минутой раньше увидеть своего Вачагана. В левую руку она взяла щит, правой вытащила меч и, обращаясь к жрецам, крикнула:

- В последний раз приказываю вам бросить оружие и отпереть дверь в этот ад.

Жрецы приготовились к сопротивлению. Умный конь Анаит понял намерение своей хозяйки и, почувствовав легкое прикосновение шпор, сбил с ног верховного жреца и бросился на других. С молниеносной быстротой Анаит снесла головы трем жрецам и оттянула коня назад. Жрецы окружили ее и ранили коня. Анаит стала защищаться, а конь продолжал нападать, он наносил удары копытами и спереди, и сзади, жрецы сражались отчаянно и яростно. Жизнь Анаит была в опасности.

Заметив это, на жрецов сзади напали христиане. Жрецы растерялись и повернулись, чтобы отбиться от них. Воспользовавшись этим, Анаит снова устремилась на жрецов, еще троим снесла головы, а нескольких раздавила конем. Видя, что христиане помогают Анаит, язычники решили, что это религиозная война, и сейчас же присоединились к жрецам и стали забрасывать камнями христиан. Камнем сбили шлем с головы Анаит, и ее густые и длинные волосы рассыпались по плечам и укрыли ее - видны были только ее огненные глаза. Ее вид вселил в толпу новый страх, град камней прекратился. Тогда Анаит вновь напала на жрецов и, нанеся некоторым смертельные раны, повалила их наземь. В эту минуту дошли передовые

копьеносцы ее войска вместе с девушками и женщинами и, увидев отчаянную борьбу своей царицы, с криками бросились на жрецов. Через минуту оставшиеся в живых жрецы убежали. Толпа расступилась, и на открытой площади осталась Анаит, окруженная отважными девушками и женщинами. Один из христиан принес ее шлем, отнятый у толпы. Анаит, жива, здорова, сошла с коня, привела в порядок свои волосы и надела шлем. Она приказала своим войскам окружить храм, в котором укрылись жрецы, заперев изнутри дверь. Затем обратилась к толпе: - Подойдите сюда и посмотрите, что скрывается в святилище вашего верховного жреца! - И приказала взломать дверь.

Перед народом открылось ужасающее зрелище. Из адского логова стали выползать люди, похожие на восставших из могил мертвецов. Многие были при последнем издыхании и не могли стоять на ногах. Их радостные вопли, крики и плач раздирали душу. Последними вышли Вачаган и Вагинак с опущенными головами. Царица узнала Вачагана и сделала знак своим людям, чтобы его отвели в приготовленный для него шатер. Вачаган вел за руку Вагинака, который следовал за ним с закрытыми, как у нищего слепца, глазами. Усадив всех спасенных на площади. Анаит приказала своим воинам войти в подземелье и вынести все, что там осталось. Воины вынесли трупы недавно умерших людей, отрезанные головы, корзины, наполненные человеческими телами, котлы, полные человеческого мяса, различные инструменты и предметы ремесла...

Увидев это страшное злодеяние, идолопоклонники, охваченные чувством стыда и ужаса, закричали: 'Велик бог христиан, капище - это ад, идолы - это дэвы, жрецы - дьяволы, убьем, уничтожим, истребим их!'

- Нет, нет, - воскликнула царица, - подождите, не подходите, не прикасайтесь к жрецам, наказать их имею право только я. Нам прежде всего надо позаботиться об этих несчастных.

И она стала расспрашивать каждого в отдельности, кто он и откуда. Один сказал, что он Арнак, сын Бабика. Эти имена громко повторил градоначальник, и тогда подошел старик, весь дрожа и всхлипывая, спросил: 'Где мой сын?' Ко второму подошла мать и без чувств упала на грудь единственного сына, у третьего была сестра, у четвертого - брат. А тех, у кого не было близких, царица взяла под свое покровительство, среди них оказались и люди, работавшие с Вачаганом.

Позаботившись обо всех несчастных, царица пожелала лично осмотреть застенки жрецов. Вместе с градоначальником и несколькими воинами она вошла в бойню, осмотрела здесь каждый закоулок. Везде были следы крови и груды человеческих костей.

- Эта ужасная преисподняя была создана не за короткий срок, - сказала она градоначальнику, - годами многие люди строили ее и, попав сюда, уже никогда не видели белого света.

- Милостивая царица, я виноват в том, что не было у меня строгого надзора. Но чтобы обнаружить это, надо было обладать твоей мудростью. Каждый год из нашего города исчезало самое меньшее сто человек, но я всегда считал, что они попадали в плен к горцам. Этих подлых жрецов мы не только почитали как святых, но считали

очень трудолюбивыми и знающими ремесла людьми, живущими трудом своих рук, а не за счет народа и его крови. Кто мог предположить, что те дорогостоящие рукоделия и ткани, которые они ежедневно продавали на рынке, - изделия не их рук? Кто мог подумать, что верховный жрец, которого мы боготворили, был дэвом в облики человека, жаждущим крови невинных людей.

Наконец, они вышли из подземелья и пошли к храму. Постучали в дверь капища, предложив жрецам сдаться, но ответом было молчание. Воины взломали дверь и вошли, но внутри никого не было. Взглянув наверх, они увидели страшную картину: верховный жрец и все остальные жрецы повесились и еще качались перед почитаемыми ими идолами. Когда об этом сообщили царице, она сказала:

- Для них это очень легкая смерть. Но что поделаешь! Оставьте их висеть, но разрешите народу войти и поклониться своим святым.

Столпившиеся у храма возбужденные люди бурным потоком устремились внутрь и яростно набросились на идолов, разбили на куски еще вчера почитаемые ими божества. 'Как легко они разбиваются, а мы думали, что они недоступны и неприкосновенны', - говорили они. Вытащили всю утварь и амфоры, разрушили ризницы и тайники, нашли несметное количество золота и серебра.

Царица приказала все богатство жрецов раздать освобожденным из ада. Когда в храме все было разгромлено, люди свой справедливый гнев обрушили на повесившихся жрецов. Служителей преисподней спустили наземь, изрубили на куски и швырнули за ограду на съедение хищникам.

Поручив дела одному из своих сотников, царица пошла в шатер, где ее с нетерпением ждал Вачаган. Любящие супруги сели рядом и не могли насмотреться друг на друга. Вагинак подошел к царице, поцеловал ее руку и стал плакать, как ребенок, нашедший мать.

- Ты спасла нас не сегодня, моя бесподобная царица, а много дней тому назад, когда я увидел тебя во сне именно в этом одеянии.

- Ты ошибаешься, Вагинак, - сказал Вачаган, - царица спасла нас тогда, когда спросила у тебя: 'Знает ли сын царя какое-либо ремесло?' Помнишь, тогда ты посмеялся вдоволь.

- Ах, это правда, мне нечего сказать. Если я раньше многому не верил, то сейчас стал верить тому, что слышал давно. Вардапет Месроп в своих проповедях говорил: 'Если бы Христос не спустился в ад, ад бы не рухнул'. Над этими словами я тоже смеялся, но сейчас мой царь лично доказал, что Месроп говорил правду.

- Успокойся, Вагинак, об этом мы поговорим позже. - сказала царица, лишь теперь почувствовав, как сильно она устала.

- Я вижу, что тебе также надо отдохнуть, - сказал Вачаган царице. - Теперь ты отдыхай, а об остальном позабочусь я.

Царица удалилась в другую часть шатра, где для нее девушки приготовили мягкое ложе. Здесь она сняла свои доспехи и отослала их Вачагану, а сама прилегла, чтобы отдохнуть, но ее воображение было так расстроено, ее сердце настолько возмущено, что она не могла успокоиться: ей чудилось, что она окружена разъяренными жрецами, которые то защищаются, то нападают на нее. Когда ей виделись

скатывающиеся наземь головы жестоких жрецов, ей казалось, что ее справедливая жажда мести удовлетворена, но вдруг перед нею представали полные человеческого мяса котлы, и она содрогалась всем телом от ужаса и гнева... Все эти сумбурные впечатления мучили ее, не давали покоя.

Вачаган хорошо знал, что Анаит настолько же добра, насколько отважна. Знал, что она из жажды мести безжалостно уничтожила жестоких жрецов, но это не могло не оставить следа в ее нежном сердце. Поэтому он поспешил взять у Анаит ее доспехи, переоделся, надел кольчугу, опоясался царским мечом, выйдя из шатра, предстал перед ожидавшим его с нетерпением войском. Воины встретили его радостными криками. Вачаган приветствовал воинов и выразил им свою благодарность.

Появился градоначальник, припал к ногам царя, поздравил его с освобождением и сообщил, что на поляне приготовлено угощение для царского войска. Царь пожелал воинам веселого пиршества, а сам пошел в шатер к Анаит, где был накрыт роскошный стол и ждали прихода царя, чтобы приступить к трапезе. Здесь был и Вагинак, сменивший лохмотья на красивую одежду. Он был счастлив как никогда в жизни. Девушки затеяли такое веселье, что зачарованному Вагинаку казалось, будто он находится в раю и предается радости в окружении ангелов.

Вскоре после пиршества трубы возвестили о том, что уже время собираться в путь. Впереди ехали царь и царица, рядом с ними девушки и женщины, а сзади - воины. Все пели победную песню. Когда достигли площади города Перожа, все горожане от мала до велика в один голос закричали:

- Да здравствует царь, да здравствует царица! Пусть стинут жрецы, пусть рухнут капища, мы хотим быть христианами!

Царь им ответил, что скоро приедет патриарх и окрестит их. И действительно, через два дня прибыл католикос Агвана Шупхагише с большим числом епископов и священников и повел перожцев на берег Куры, где все они разделись и, завернувшись в белые покрывала, вошли в воду с малыми детьми на руках.

Католикос совершил обряд крещения и приказал всем трижды окунуться в воду. Так на перожцев снизошел свет христианства. Но мы вернемся к нашему рассказу.

14

Когда царь и Вагинак живыми и невредимыми вернулись домой, их встретил Занги, с веселым визгом бросаясь к ногам то одного, то другого, словно все знал, все понимал.

На следующий день из темницы вывели жреца, торговавшего парчой, чтобы судить и наказать его при всем народе. Когда собрались судьи, к царю подошел Вагинак и попросил жизнь и смерть этого жестокого вернуть ему.

- Как ты хочешь наказать его? - спросил царь.

- Об этом подумаем я и Занги, - ответил Вагинак. - Те мерзавцы легко отделались, но этот не удостоится их судьбы.

- Но ты забываешь, Вагинак, что недостойно христианина быть жестоким. Я вижу, ты хочешь его замучить.

- Нет, я хочу лишь его черную душу отдать на милость Занги, пусть отнимает ее у злодея, как хочет.

- Уведи его, уничтожь, как собаку, - в один голос сказали судьи.

Царь не захотел отказывать Вагинаку в просьбе. Тот отвел жреца со связанными руками в ущелье и, отпустив его, сказал, обращаясь к Занги:

- Занги, посмотри, это тот человек, который несколько лет мучил меня страшными пытками, он кормил меня тем, чего ты не ел никогда. Занги, истерзай этого человека, чтобы успокоить мое сердце. Это зверь, Занги, хватай его, рви на части... Занги одним прыжком набросился на жреца, впился в его горло, задушил и, рыча, сразу же отпрянул от него.

- Ах, Занги, как ты облегчил смерть этого чудовища. Разве я этого у тебя просил? Даже самый добрый палач не поступил бы так, как ты.

Слух о злключении царя распространился по всем городам и селам. Об этом говорили даже в чужих странах и всюду восславляли Анаит и Вачагана. Народные певцы, обходя села и города, в песнях рассказывали эту историю. Жаль, что эти песни не дошли до нас. Но о том, что сделали Анаит и Вачаган для своей страны, повествуется в сказке до сих пор. Главный смысл сказки в том, что 'жизнь царю спасло ремесло'. Это хорошая мысль. И оттого, какое значение придает народ ремеслу, трудолюбию, зависит его счастье. Это счастье более надежно, когда царь сам служит примером для народа и становится покровителем и защитником ремесла.

И действительно, наши деды, которые и раньше были очень трудолюбивы и ценили ремесла, после этого случая стали уделять им еще больше внимания. Во всей стране не осталось ни одной души, не владеющей каким-нибудь ремеслом. И многие ремесла в нашей стране достигли наивысшего совершенства. Девушки учились рукоделию: из шерсти ткали ковры и шали, из хлопка - полотна, из шелка - тонкие ткани. Шить, кроить и вязать умели все. Каждый земледелец сам изготавливал свои орудия: свой плуг и арбу, медную и глиняную посуду, утварь, строил свой дом. Летом работал в поле, зимой занимался ремеслом. И работали не поодиночке, а группами. Надо было видеть, как ловко юноши села орудовали огромными молотами в кузнице, делая из железа лемех или топор, меч или еще что-то. Они вместе пахали свои поля и вместе собирали урожай.

Каждый храм был мастерской, где выделывали отборный пергамент, писали на нем, переплетали и, кроме того, шили свою одежду, своими руками изготавливали всю утварь. Священники говорили: 'Учеба и ремесло должны быть так сплетены друг с другом, как парча царя Вачагана и его таинственные письма'. Можете себе представить, каким был народ при таком духовенстве, и особенно при таком царе как Вачаган, который был сыном, отцом и братом народа, каким был народ при такой царице как Анаит, которая стала для своей страны родной матерью. Вот что говорил народ об Анаит: 'Она возвела на наших реках мосты, построила корабли и лодки, покрыла наши поля каналами и арыками, в городах и селах построила родники. Она проложила для наших арб ровные дороги, дала нашим плугам просторные земли. Она разрушила ад и превратила нашу страну в Эдем. Да здравствует Анаит, да здравствует навеки! '